

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Генрик
ИБСЕН

КУКОЛЬНЫЙ ДОМ

Пьесы

Харьков
«Фолио»
2013

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Уютная комната, обставленная со вкусом, но недорогой мебелью. В глубине, в средней стене, две двери: одна, справа, ведет в переднюю, другая, слева, в кабинет Хельмера. Между этими дверями пианино. Посредине левой боковой стены дверь, ближе к авансцене окно. Около окна круглый стол с креслами и диванчиком. В правой стене, несколько подалее вглубь, тоже дверь, а впереди изразцовая печка; перед нею несколько кресел и качалка. Между печкой и дверью столик. По стенам гравюры. Этажерка с фарфоровыми и прочими безделушками, книжный шкафчик с книгами в роскошных переплетах. На полу ковер. В печке огонь.

Зимний день.

В передней звонок. Немного погодя слышно, как дверь отпирают. Из передней в комнату входит, весело напевая, Н о р а, в верхней одежде, нагруженная ворохом пакетов и свертков, которые она складывает на стол направо. Дверь в переднюю остается открытой, и там виднеется п о с ы л ь н ы й, принесший елку и корзину, которые он отдает с л у ж а н к е, отворившей дверь.

Н о р а. Хорошенько припрячь елку, Элене. Дети не должны увидеть ее раньше вечера, когда она будет украшена. (*Посыльному, вынимая портмоне.*) Сколько?

П о с ы л ь н ы й. Пятьдесят эре!

Н о р а. Вот крона... Нет, оставьте себе все.

Посыльный кланяется и уходит. Нора затворяет дверь в переднюю, снимает с себя верхнее платье, продолжая посмеиваться тихим, довольным смехом. Потом вынимает из кармана мешочек с миндальным печеньем и съедает несколько штук. Осторожно идет к двери, ведущей в комнату мужа, и прислушивается.

Да, он дома. (*Снова напевает, направляясь к столу.*)

Х е л ь м е р (*из кабинета*). Что это, жаворонок запел?

Н о р а (*развертывая покупки*). Он самый.

Х е л ь м е р. Белочка там возится?

Н о р а. Да!

Х е л ь м е р. Когда же белочка вернулась?

Н о р а. Только что. (*Прячет мешочек с печеньем в карман и обтирает себе губы.*) Поди сюда, Торвальд, погляди, чего я накупила!

Х е л ь м е р. Постой, не мешай. (*Немного погодя открывает дверь и заглядывает в комнату, держа перо в руке.*) Накупила, говоришь? Все это?.. Так птичка опять улетала сорить денежками?

Н о р а. Знаешь, Торвальд, пора же нам наконец немножко раскутиться. Это ведь первое Рождество, что нам нет нужды так стеснять себя.

Х е л ь м е р. Ну и мотать нам тоже нельзя.

Н о р а. Немножко-то можно! Правда? Самую чуточку! Тебе ведь положили теперь большое жалованье, и ты будешь зарабатывать много-много денег.

Х е л ь м е р. Да, с нового года. Но выдадут мне жалованье только через три месяца.

Н о р а. Пустяки! Можно занять пока.

Х е л ь м е р. Нора! (*Подходит и шуточно берет ее за ушко.*) Опять наше легкомыслие тут как тут. Ты представь себе, сегодня я займу тысячу крон, ты потратишь их на праздниках, а накануне Нового года мне свалится на голову черепица с крыши — и готово.

Н о р а (*закрывая ему рот рукой*). Фу! Не говори таких гадких вещей.

Х е л ь м е р. Нет, ты представь себе подобный случай, — что тогда?

Н о р а. Если бы уж случился такой ужас, то для меня было бы все равно — есть у меня долги или нет.

Х е л ь м е р. Ну а для людей, у которых я бы занял?

Н о р а. Для них? А чего о них думать! Ведь это же чужие!

Х е л ь м е р. Нора, Нора, ты еси женщина! Но серьезно, Нора, ты ведь знаешь мои взгляды на этот счет. Никаких долгов! Никогда не занимать! На домашний очаг, основанный на займах, на долгах, ложится какая-то некрасивая

ть зависимости. Продержались же мы с тобой, храбро до сегодняшнего дня, так уж потерпим и еще немножко — не долго ведь.

Н о р а (*отходя к печке*). Да что же, как хочешь, Торвальд.

Х е л ь м е р (*за нею*). Ну, ну, вот птичка и опустила крылышки. А? Белочка надулась. (*Вынимает портмоне.*) Нора, как ты думаешь, что у меня тут?

Н о р а (*оборачиваясь, живо*). Деньги!

Х е л ь м е р. Вот тебе! (*Подает ей несколько бумажек.*) Господи, я ведь знаю, мало ли в доме расходов на праздниках.

Н о р а (*считая*). Десять, двадцать, тридцать, сорок. Спасибо, спасибо тебе, Торвальд. Теперь мне надолго хватит.

Х е л ь м е р. Да, уж ты постарайся.

Н о р а. Да, да, непременно. Но поди сюда, я тебе покажу, что я накупила. И как дешево! Гляди, вот новый костюм Ивару и сабля. Вот лошадка и труба Бобу. А вот кукла и кукольная кровать для Эмми. Простенькие, но она все равно их скоро поломает. А тут на платья и передники прислуге. Старухе Анне-Марии следовало бы, конечно, подарить побольше...

Х е л ь м е р. А в этом пакете что?

Н о р а (*вскакивая*). Нет, нет, Торвальд! Этого тебе нельзя видеть до вечера!

Х е л ь м е р. Ну-ну! А ты вот что скажи мне, маленькая мотовка, что ты себе самой присмотрела?

Н о р а. Э, мне ровно ничего не надо.

Х е л ь м е р. Разумеется, надо! Назови же мне теперь что-нибудь такое разумное, чего бы тебе больше всего хотелось.

Н о р а. Право же, не надо. Или послушай, Торвальд...

Х е л ь м е р. Ну?

Н о р а (*перебирая пуговицы его пиджака и не глядя на него*). Если уж ты хочешь подарить мне что-нибудь, так ты бы... ты бы...

Х е л ь м е р. Ну, ну, говори же.

Н о р а (*быстро*). Ты бы дал мне деньгами, Торвальд. Сколько можешь. Я бы потом, на днях и купила себе на них что-нибудь.

Х е л ь м е р. Нет, послушай, Нора...

Н о р а. Да, да, сделай так, милый Торвальд! Прошу тебя! Я бы завернула деньги в золотую бумажку и повесила на елку. Разве это не было бы весело?

Х е л ь м е р. А как зовут тех пташек, которые вечно соят денежками?

Н о р а. Знаю, знаю — мотовками. Но сделаем, как я говорю, Торвальд. Тогда у меня будет время обдумать, что мне особенно нужно. Разве это не благоразумно? А?

Х е л ь м е р (*улыбаясь*). Конечно, то есть если бы ты в самом деле могла придержать эти деньги и потом действительно купить на них что-нибудь себе самой. А то и они уйдут на хозяйство, на разные ненужные мелочи, и мне опять придется раскошелиться.

Н о р а. Ах, Торвальд...

Х е л ь м е р. Тут спорить не приходится, милочка моя! (*Обнимает ее.*) Птичка мила, но тратит ужасно много денег. Просто невероятно, как дорого обходится мужу такая птичка.

Н о р а. Фу! Как можно так говорить! Я же экономлю, сколько могу.

Х е л ь м е р (*весело*). Вот уж правда истинная! Сколько можешь. Но ты совсем не можешь.

Н о р а (*напевает и улыбается*). Гм! Знал бы ты, сколько у нас, жаворонков и белочек, всяких расходов, Торвальд!

Х е л ь м е р. Ты маленькая чудачка! Две капли воды — твой отец. Только и хлопочешь, как бы раздобыть денег. А как добудешь — глядь, они между пальцами и прошли, сама никогда не знаешь, куда их девала. Ну что ж, придется брать тебя такой, какова ты есть. Это уж в крови у тебя. Да, да, это в тебе наследственное, Нора.

Н о р а. Ах, побольше бы мне унаследовать от папы его качеств!

Х е л ь м е р. А мне бы не хотелось, чтобы ты была другой, чем ты есть, мой милый жавороночек! Но слушай, мне сдается, ты... у тебя... как бы это сказать? У тебя какой-то подозрительный вид сегодня.

Н о р а. У меня?

Х е л ь м е р. Ну да. Погляди-ка мне прямо в глаза.

Н о р а (*глядит на него*). Ну?

Х е л ь м е р (*грозя пальцем*). Лакомка не кутнула сегодня немножко в городе?

Н о р а. Нет, что ты!

Х е л ь м е р. Будто уж лакомка не забегала в кондитерскую?

Н о р а. Но уверяю тебя, Торвальд...

Х е л ь м е р. И не отведала варенья?

Н о р а. И не думала.

Х е л ь м е р. И не погрызла миндальных печений?

Н о р а. Ах, Торвальд, уверяю же тебя...

Х е л ь м е р. Ну-ну-ну! Естественно, я просто шучу...

Н о р а (*идя к столу направо*). Мне и в голову не пришло бы делать тебе наперекор.

Х е л ь м е р. Знаю, знаю. Ты ведь дала мне слово. (*Подходя к ней*.) Ну, оставь при себе свои маленькие рождественские секреты, моя дорогая Нора. Они, верно, всплывут наружу сегодня же вечером, когда будет зажжена елка.

Н о р а. Ты не забыл пригласить доктора Ранка?

Х е л ь м е р. Не приглашал. Да это и не нужно. Само собой, он ужинает у нас. Впрочем, я еще успею ему напомнить: он зайдет до обеда. Вино я заказал хорошее. Нора, ты не поверишь, как я радуюсь сегодняшнему вечеру.

Н о р а. И я! А дети-то как будут рады, Торвальд!

Х е л ь м е р. Ах, какое наслаждение сознавать, что ты добился верного, обеспеченного положения, что у тебя будет теперь солидный доход. Не правда ли, приятное сознание?

Н о р а. О, чудесно!

Х е л ь м е р. А помнишь прошлое Рождество? Ты целые три недели затворялась у себя по вечерам и до поздней ночи все мастерила цветы и какие-то другие прелести для елки, которыми хотела всех нас поразить. У-у, скучнее времени я не запомню.

Н о р а. Я-то вовсе не скучала.

Х е л ь м е р (*с улыбкой*). Но толку-то вышло немного, Нора.

Н о р а. Ты опять будешь меня дразнить этим? Что же я могла поделать, если кошка забралась и все разодрала в куски!

СОДЕРЖАНИЕ

Кукольный дом	3
Пер Гюнт (<i>Драматическая поэма в пяти действиях</i>)	85
Дикая утка	299
Генрик Ибсен — основатель европейской «новой драмы». <i>Т. В. Надозирная</i>	405
Примечания. <i>Т. В. Надозирная</i>	409